

38. 428

Конкевич, Л

ЛѢТОПИСЬ КРУШЕНІЙ

И ДРУГИХЪ БѢДСТВЕННЫХЪ СЛУЧАЕВЪ

ВОЕННЫХЪ СУДОВЪ РУССКАГО ФЛОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.

1874.

Свѣденія о крушеніяхъ и бѣдствіяхъ претерпенныхъ судами въ полярныхъ моряхъ представляетъ особый интересъ, но какъ наши военныя суда давно уже не были въ полярныхъ плаваніяхъ, то мы приведемъ здѣсь свѣденіе о крушеніи частной шхуны «Ермакъ» въ 1862 году, бывшей подъ командою морскаго офицера.

Экспедиція къ устью рѣки Енисея.

Шкуна «Ермакъ», 150 тоннъ, и норвежскій палубный ботъ «Эмбріо», 17 тоннъ, оставили мѣсто зимовки деревню Кую (пор. Печорѣ на 40 верстѣ къ NO отъ Пустозерска) 1-го августа 1862 г. въ 5¼ часовъ пополудни съ SW вѣтромъ. На шкунѣ находились: командиръ лейтенантъ Павелъ Крузенштернъ, вольный штурманъ Вильгельмъ Матисенъ, воспитанникъ архангельскаго шкиперскаго училища унтеръ-штурманъ Черноусовъ, волонтеръ баронъ Алексѣй Будбергъ, боцманъ Панкратовъ, фельдшеръ Лычевъ, 13 матросовъ изъ 3-го ластоваго экипажа, 2 юнга, оба крестьяне пустозерскаго общества и 1 вольнонаемный поварь.

На боту: за командира унтеръ-офицеръ Иванъ Короткой, помощникъ его мезенскій мѣщанинъ Рогачевъ и три матроса 3-го ластоваго экипажа.

Войдя въ Югорскій Шаръ 14-го августа и встрѣчая на пути

льды, шкуна разлучилась съ ботомъ «Эмбріо», который 13-го сентября возвратился въ Кую. Унтеръ-офицеръ Короткой, командиръ бота, донесъ, что 16 августа сплошной ледъ раздѣлилъ суда на двуверстное разстояніе и густой туманъ, продолжавшійся два дня, скрылъ отъ нихъ шкуну. Между тѣмъ въ Карскомъ морѣ стали носиться сплошныя массы льда и нѣсколько разъ окружали ботъ; одинъ разъ напоромъ льда выломило двѣ доски въ борту. Достигнувъ Югорскаго Шара, ботъ простоялъ тамъ двѣ недѣли въ ожиданіи возвращенія шкуны; люди съ бота нѣсколько разъ объѣзжали берегъ на оленяхъ до устья р. Кары съ цѣлю увидѣть шкуну, но въ объѣздахъ своихъ ничего не видали, кромѣ льдовъ, болѣе и болѣе наносимыхъ теченіемъ Карскаго моря. Сообщивъ самоѣдскому старшинѣ случившемся, унтеръ-офицеръ Короткой просилъ его подать помощь шкунѣ, если увидить ее во льдахъ, и за тѣмъ пошелъ обратно въ Кую. По приходѣ, у него оставалось провизіи только на два мѣсяца. Шкуну же понесло сильнымъ теченіемъ въ Карское море; по обсерваціямъ шкуну несло на О. 28-го августа увидѣли на О берегъ залива Мутнаго; 29 дулъ свѣжій SW. Шкуну несло на NO.

На прилагаемой картѣ означенъ путь шкуны и обратный путь ея экипажа въ деревню Кую. Командиръ шкуны донесъ: 30 августа въ 7 часовъ утра вѣтеръ сталъ стихать и перешелъ къ W. Въ 8 часовъ глубина оказалась 87 саж. Погода теплая и горизонтъ въ туманѣ. До полуночи погода была ясная и мы наблюдали при $+ 1^{\circ}$ Реомюра сѣверное сіяніе. Ледъ вокругъ шкуны, давшій сильное движеніе, не позволялъ намъ сойти сверху; переборки въ жилой палубѣ смялись и шкуну подняло изъ воды на одинъ футъ. Въ 5 часовъ шкуну сильно сжало и она получила нѣсколько ударовъ. Въ 6 часу движеніе льдовъ остановилось; во всю ночь насъ несло на востокъ. Въ 6 часовъ пополуночи глубина уже уменьшилась до 35 саж., грунтъ—илъ; въ 4 часа 31 августа задулъ SO и къ вечеру усилился до сильнѣйшаго рифъ-марсельнаго, причемъ изрѣдка нахо-

дили убійственные порывы съ дождемъ; глубина въ 8 часовъ пополуночи оказалась 28 сажень, грунтъ—жидкій синій илъ. Въ полночь вѣтеръ вдругъ стихъ до маловѣтрія и пошелъ проливной дождь; въ 2 часа пополуночи задулъ весьма свѣжій SSW; барометръ понизился до 29,63.

1-го сентября штормъ, въ полномъ значеніи слова; барометръ упалъ до 29, 14; глубина 26 саж. Въ полночь шкуну несло къ NNO со скоростью около одной мили въ часъ. На воздухъ $+3^{\circ}$ Реомюра. Ожидая ежеминутно гибели шкуны, я приказалъ поставить на льдинѣ палатку и въ нее выгрузить часть провизіи изъ трюма, также приказалъ выкинуть нѣсколько сажень дровъ, чтобы имѣть топливо для варки пищи на льду. Самое низкое состояніе барометра въ ночь на первое сентября было 29, 05. Штормъ къ утру отъ SSW перешелъ къ WSW и потомъ на W. Берега никакого не видать. Въ 7 часовъ пополуночи пошелъ снѣгъ и градъ. Въ 8 часовъ барометръ и анероиды начали подниматься.

Въ полной увѣренности, что тысячелѣтіе Россіи праздновалось 1-го сентября, я, несмотря на штормъ, велѣлъ выдать двойную порцію водки и сварить пушшъ. Команда на часъ забыла свое критическое положеніе. Среди льдовъ и бури раздавались веселыя пѣсни. Во весь день 1-го сентября шкуну валило быстро на О. Зная, что восточный берегъ въ довольно близкомъ разстояніи отъ шкуны и ожидая ежеминутно сильнаго удара несущихся льдовъ о материкъ, я былъ убѣжденъ, что шкуна не переживетъ этого напора.

Но еще съ полуночи этотъ вѣтеръ сталъ стихать, глубина уменьшилась до 20 саж.; грунтъ—тотъ же илъ. Въ 2 часа пополуночи ледъ сталъ останавливаться. Шкуну носомъ выпихнуло на ледъ на 5 футъ и положило на лѣвый бортъ на 30° . Среди ночи трескъ, шумъ и вдругъ прибывшая до 2 футъ вода въ трюмѣ заставила меня отдать приказаніе перебраться на ледъ. Люди съ своими котомками находились всѣ на палубѣ, ожидая команды

«оставить шкуну», и мы тотчасъ перебравшись къ палаткѣ. Но только-что перебравшись на ледъ, шумъ, трескъ и движеніе льдинъ прекратились; шкуна осталась на боку; течи особенной не было. Сильно уставшіе, мы легли спать опять на шкунѣ, предвидя, что ледъ, упершись въ берегъ, не будетъ насъ беспокоить эту ночь. Лыдина, на которой стояла палатка, несмотря на толщину въ 6 сажень, дала, какъ я увидѣлъ на разсвѣтѣ, огромную трещину. Итакъ, пришлось еще разъ обмануться въ надеждахъ! Я думалъ, что если шкуну сломаетъ, имѣть по крайней мѣрѣ убѣжище на льду; но если въ первый штормъ эта, повидимому, громадная и неразрушимая лыдина сломается, то что будетъ съ нею во второй или третій штормъ?

Вполнѣ понявъ тогда невозможность благополучной зимовки въ открытомъ морѣ, я началъ думать серьезно объ оставленіи шкуны и понемного готовиться къ тому. Штормъ къ разсвѣту 2-го сентября смягчился и сдѣлался довольно ясный день, такъ что въ 9 часовъ мы успѣли сдѣлать обсервацию и въ полдень взяли полуденную высоту: широта оказалась по обсервации $69^{\circ} 54' N$, а долгота $66^{\circ} 00' O$, такъ что материкъ долженъ былъ находиться не болѣе 18 итальянскихъ миль отъ мѣста шкуны; однако берега не было видно съ марса. Въ полночь глубина 19 саж. Движеніе и направленіе шкуны почти незамѣтны на ONO. День теплый; термометръ показывалъ $+2^{\circ}$ Реомюра. Въ 3 пополудни вѣтеръ стихъ до ровнаго брамсельнаго и перешелъ къ S: погода сдѣлалась пасмурная и сырая. Въ 5 часовъ вѣтеръ, перешедшій въ SW четверть, засвѣжѣлъ до рифъ-марсельнаго и пошелъ сильнѣйшій дождь. Барометръ, поднявшійся до полудня на 29, 8⁷, послѣ полудня началъ понижаться опять и въ 8 часовъ вечера стоялъ 29, 59, терм. $+1^{\circ}$ Реомюра.

Вѣтеръ мало по малу переходилъ къ W и дулъ свѣжо съ проливнымъ дождемъ.

Къ утру 3-го сентября вѣтеръ стихъ и погода стала довольно ясная. Я спустилъ гротъ-стенъгу. По наблюденіямъ, долгота $66^{\circ} 00' O$. Шкуну болѣе нигде не несетъ; глубина та же. Въ полдень нашелъ густой туманъ, а послѣ полудня вѣтеръ засвѣжелъ съ дождемъ.

Для облегченія шкуны я выгрузилъ всѣ бочки съ водою. Вѣтеръ къ вечеру весьма засвѣжелъ. Въ 8½ час. ледъ кругомъ судна далъ сильное движеніе и трескъ слышался во всѣхъ членахъ шкуны; переборки въ палубѣ были смяты и палуба поднималась по временамъ совершенно горбомъ. Въ ту же минуту вынесли на льдину всѣ инструменты и выбросили провизію и вещи команды; все складено въ шлюбки и палатку. Въ 4 часа ледъ опять пересталъ двигаться; шкуну выперло носомъ на ледъ и положило на бокъ; корма осѣла ахтеръ штевнемъ на 9½ футъ. 4-го сентября въ 8 часовъ пополудни началъ я выгрузку трюма. На ледъ были перенесены: вся провизія, всѣ дрова, всѣ запасы, также паруса. Послѣ обѣда начали выгружать желѣзный баластъ, что было чрезвычайно трудно; весь задній трюмъ былъ наполненъ водою; сколь возможно было работали помпы и намъ удалось выкачать къ вечеру большую часть накопившейся въ трюмѣ воды.

Ночь на пятое сентября была прекрасная, но холодная; термометръ показывалъ—5° Реомюра. Въ 11 часовъ вечера наблюдали прекрасное сѣверное сіяніе. Замѣчая по диплоту, что шкуну уже не несетъ ни въ какую сторону и зная, что восточный берегъ Карскаго моря находится въ близкомъ разстояніи, по наблюденіямъ, не далѣе 18—22 итальян. миль, я отправилъ 5 сентября въ 4 часа пополудни сдѣлать рекогносцировку берега подштурмана Черноусова и матроса Молчанова, вооруженныхъ гарпунами и револьверами, пѣшкомъ по льду на О съ тѣмъ, чтобы они по возможности шли скоро впередъ до 11 часовъ, а потомъ воротились назадъ по своимъ слѣдамъ къ шкунѣ. Подштурманъ Черноусовъ, исполняя буквально приказаніе, нашелъ на пути въ 10¾ часовъ утра на высокую ледяную гору и, поднимаясь на нее, смотрѣлъ въ трубу на О; но хотя погода была ясная, не увидѣлъ берега и возвратился на шкуну, не встрѣчая на пути открытыхъ полыхъ мѣстъ. По его рассказамъ, онъ былъ весьма часто принужденъ перелѣзать черезъ высокія, обрывистыя льдины и перескакивать черезъ трещины. Имѣя лотъ съ линемъ съ собою, Черноусовъ нашелъ глубину на томъ мѣстѣ, съ котораго воротился, въ 17 саж., грунтъ илъ. Пе-

смотря на препятствія, онъ шелъ довольно скоро и, по его мнѣнію, сдѣлалъ въ одну сторону 21 версту отъ 4 до 11 часовъ.

Я совершенно разружилъ шкуну и изъ рангоута построилъ палатку на льду, покрывъ ее въ 4 ряда парусами, положилъ якоря въ разныя стороны и къ нимъ закрѣпилъ бакштаги съ палатки; кромѣ того, обложилъ палатку цѣпнымъ канатомъ.

Вѣтеръ съ утра совершенно стихъ; погода была ясная; меридиональная высота $22^{\circ} 11' 50''$ дала намъ широту $65^{\circ} 56' N$; глубина не мѣняется и грунтъ тотъ же: синій, жидкій илъ. Въ 8 часовъ вечера барометръ стоялъ 30,10, на воздухѣ -2° Реомюра. Ночь была тихая, но къ утру 6-го сентября вѣтеръ, бывший весь день 5-го числа S, перешелъ къ SW и нагналъ туманъ и дождь. Я началъ готовить лодку, взятую на этотъ предметъ изъ Печоры къ походу по льду. Для большей крѣпости обилъ подводную часть мѣдью; погода дождливая; мало вѣтріе изъ SW четверти, къ вечеру морозъ; озера прѣсной воды на льду замерзли на $\frac{1}{2}$ дюйма толщиною. Вѣтеръ перешелъ къ W, сдѣлался свѣжимъ брамсельнымъ, но опять стихъ къ утру 7 сентября и въ 10 часовъ перешелъ къ S. Погода пасмурная и дождь; позднее время года, наступившіе морозы и отчаянное положеніе шкуны, стоявшей уже недѣлю почти на одномъ мѣстѣ, заставили меня думать о средствахъ спасенія людей. Желая имѣть мнѣніе нижнихъ чиновъ, я велѣлъ имъ выбрать изъ среды своей троихъ и составить совѣтъ для рѣшенія способа спасенія всѣхъ. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ меня и старшаго штурмана Матисена, подштурмана Черноусова, исправляющаго должность боцмана унтеръ - офицера Панкратова и трехъ матросъ: Попова, Резанова и Молчанова, выбранныхъ командою. На этомъ совѣтѣ было рѣшено слѣдующее: если даже удастся намъ удержать шкуну на водѣ, то, по недостатку дровъ, невозможно провести зиму въ открытомъ морѣ, ибо 7-го сентября находилось топлива на шкунѣ на 4 мѣсяца, а по истеченіи этого времени пришлось бы сжечь шкуну. Если же шкуну окончательно раздавить и мы ее потеряемъ, тогда придется жить на льду, въ палаткѣ, не имѣя дровъ во время сильныхъ морозовъ зимою; болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ палаткѣ мы всѣ замерзли бы. Ко всему этому нужно присоветовать, что

большая льдина, предполагаемое нами зимовье, гдѣ складенъ былъ весь нашъ провіантъ, дала во время бури 1-го сентября большую трещину, раздѣлившую ее на двѣ части. Если въ одинъ штормъ сдѣлалась трещина, то въ другой и третій льдина могла раздробиться на мелкія части и въ такомъ случаѣ всѣ находящіеся на ней въ живыхъ должны быть разъединены и погибнуть отъ стужи.

Выслушавъ мнѣніе всѣхъ и понимая вполнѣ, что единственное спасеніе наше—стараться достигнуть берега, я рѣшился оставить шкуну и направиться къ восточному берегу, оставляя все имущество съ тѣмъ, что если обстоятельства позволятъ, то на оленяхъ пріѣхать къ шхунѣ и вывезти на берегъ, по возможности, всѣ инструменты, матеріалы и провіантъ. Немедленно велѣлъ я приступить въ изготовленію шлюпки; въ нее положили 12 пудовъ сухарей, нѣсколько окороковъ, $\frac{1}{2}$ ведра бѣлаго рома, большой ящикъ съ нужными инструментами, книгами, кѣртами и четыре большія овчинныя одѣяла. Людямъ я приказалъ каждому имѣть ранецъ изъ парусины для помѣщенія 35 фунтовъ сухарей и одной перемѣны бѣлья; сверхъ ранцевъ скатать самоѣдскую малицу въ пимами и люптами, въ рукахъ имѣть пику; на каждого изъ насъ приходилось нести слишкомъ по 70 фунтовъ.

Утромъ 9 сентября термометръ показывалъ—4° Реомюра. Вѣтеръ тихій NNO. Команду я разбудилъ въ 4 утра, и послѣ хорошаго обѣда, помолившись Богу, оставилъ шкуну въ широтѣ 69° 57' N° и долготѣ 66° 2' O. Впереди съ компасомъ шелъ я самъ, потомъ, подъ надзоромъ штурмана Матисена, люди тянули лодку, 16 человѣкъ; далѣе фельдшеръ Лычевъ и вольный поваръ тянули саночки съ дровами и провизіею и, наконецъ, два вольные юнга, при помощи собаки, принадлежащей Матисену, везли еще небольшія санки. Перебираясь непрерывно черезъ трещины и торосы, изрѣдка черезъ хребты, мы уже черезъ два часа удостовѣрились въ невозможности тащить за собою хоть малѣйшую вещь. Сани и лодка сломались, люди неоднократно оступались въ трещины и многіе совершенно вымокли. Тогда я рѣшился оставить лодку—это было въ 9-ть часовъ утра. Каждый изъ насъ, по своимъ силамъ, взялъ на спину

сухари, рассчитывая на 20-ть дней ходу; самымъ сильнымъ изъ команды я роздалъ нести, кромѣ сухарей, шханечные и метеорологическіе журналы, зрительную трубу, aneroidъ, термометръ, карты, по которымъ плавали, лоть въ два фунта съ линемъ, фунтъ чаю и маленькій чайникъ. Для защиты противъ бѣлыхъ медвѣдей, также для пропитанія, на случай недостатка провизіи, взялъ 4 винтовки, одно двуствольное ружье, три револьвера, два пистолета, порохъ, пули и дробь. Оба хронометра отпущенные мнѣ въ Петербургѣ, я принужденъ былъ оставить. Впослѣдствіи я благодарилъ Бога, что, кромѣ провизіи и самыхъ нужныхъ вещей, не позволилъ взять съ собой ничего. Предъ оставленіемъ лодки я позволилъ выпить командѣ по одному стакану бѣлаго рома, причемъ въ послѣдній разъ мы поѣли досыта. Въ 10¼ часовъ, опять помолившись искренно Богу, мы отправились дальше; мачты нашей шкуны еще видѣлись. Погода была довольно ясная; термометръ показывалъ—5° Реомюра. Хотя было весьма трудно лазить черезъ торосы и скакать черезъ трещины, мы со свѣжими силами двигались довольно скоро на О. Я самъ шелъ впереди съ компасомъ, выбирая дорогу. Въ 1-мъ часу, замѣчая, что команда растянулась версты на двѣ, что задніе держатся съ большимъ трудомъ, я остановился для отдыха возлѣ ледяной горы. Поднявшись на нее, я въ трубу уже не могъ увидѣть шкуны; горизонтъ былъ вездѣ одинаковъ; ледяныя горы со всѣхъ сторонъ загораживали видъ. Когда послѣдніе изъ людей подошли къ мѣсту отдыха, мнѣ сказали, что одинъ человѣкъ, именно кузнечный мастеръ, Сытниковъ, отсталъ и идти впередъ не въ состояніи, потому что пьянъ и находится довольно далеко назадъ. Я немедленно вызвалъ охотниковъ спасти товарища; но общее молчаніе доказало мнѣ, что каждый думалъ болѣе о сбереженіи собственныхъ силъ. Тогда я сбросилъ съ плечъ ношу и съ боцманомъ Панкратовымъ отправился отыскивать потеряннаго человѣка; намъ пришлось проходить почти три версты, пока нашли Сытникова спящимъ. Разбудивъ его, я велѣлъ ему встать и идти за нами, но, будучи пьянъ, онъ совершенно упалъ духомъ. Оставляя лодку, Сытниковъ украдкой выпилъ три стакана рома. Не имѣя другаго средства привести несча-

стнаго въ чувство, я началъ его тормошить изо всѣхъ силъ, но онъ не вставалъ, плакалъ и говорилъ: «ваше благородіе, оставьте меня, мнѣ суждено умереть здѣсь». Понявъ, что онъ долженъ проспать, и въ такомъ видѣ, какъ былъ, идти не въ состояніи, я снялъ съ него малицу, думая, что скорѣе пройдетъ дурь изъ головы и оставилъ его въ одной рубашкѣ, приказавъ ему, когда проспится, приложить все стараніе, чтобъ догнать насъ по слѣдамъ. Онъ мнѣ это обѣщаль, но я простился съ нимъ, вполне убѣжденный, что вижу его въ послѣдній разъ. Лишь только я догналъ команду и успѣлъ навьючить на себя котомку, мы отправились по возможности скорѣе, держа курсъ на О. Люди шли молча и видно было, что потеря человѣка на нихъ сильно подѣйствовала. Изрѣдка, то одинъ, то другой, спрашивали меня: «ваше благородіе, скажите правду; послѣ васъ Сытниковъ живой не остался....» Вѣтеръ сдѣлался рѣзкій, началъ падать мелкій снѣгъ. Въ 2 часа я вдругъ былъ остановленъ крикомъ; матросъ Резановъ сбросилъ ношу и побѣжалъ на этотъ крикъ.

Оказалось, что матросъ Вишниковъ провалился въ озеро прѣсной воды и безъ помощи непременно бы потонулъ. Когда онъ прибылъ къ нашему привалу, то до того дрожалъ, что самъ не могъ снять съ себя мокрое платье. Сухаго у него ничего не было; подѣлившись съ нимъ нашими платьями, мы съ трудомъ оживили его; окончательно согрѣлся онъ только къ вечеру; анероидъ утопленъ имъ при паденіи. Командѣ, непривыкшей къ новому роду передвиженія, было весьма трудно ходить съ тяжелою ношею на плечахъ и съ нѣкоторыми дѣлалась тошнота; но всѣ, зная, что единственное спасеніе—достигнуть берега, молча и скрипя зубами работали ногами.

Къ вечеру мы нашли на полыню шириною до 30 сажень; вода быстро лилась на сѣверъ, и хотя мы шли долго къ S, держась все у самой полыни, но удобной переправы найти не могли. Баронъ Будбергъ разбилъ термометръ при паденіи въ трещину, такъ что теперь никакихъ инструментовъ уже болѣе не имѣлось. Наконецъ, мы нашли довольно хорошее мѣсто, совершенно закрытое торосами отъ вѣтра; когда мы сняли наши ноши, то чувствовали сильную боль въ плечахъ, такъ что

и некоторые не могли поднять рукъ. Всѣ очерредовались на часахъ, каждый по получасу; огнестрѣльное оружіе постоянно было въ исправности, въ ожиданіи нападенія бѣлыхъ медвѣдей. Мы спали въ нашихъ малицахъ хорошо, но не сухо; такъ какъ тюфяковъ не было, то мы должны были лечь на голый ледъ и въ ночь подъ каждымъ изъ насъ образовалась лужа, и при этомъ все платье промокало. При разсвѣтѣ 10-го сентября, во время нашего завтрака, состоявшаго изъ однихъ черныхъ сухарей, мы были весьма обрадованы: отставшій Сытниковъ догналъ насъ; онъ всю ночь шелъ по слѣдамъ, что въ темнотѣ было нелегко и служить неоспоримымъ доказательствомъ, что самохраненіе есть чувство, которое беретъ во всякомъ случаѣ свое. Въ 6½ часовъ тронулись мы съ мѣста и сейчасъ же начали переправляться черезъ полыню, близъ которой ночевали. Мы нашли довольно узенькое мѣсто, гдѣ посредствомъ небольшой льдины, поднимающей двухъ человѣкъ съ грузомъ, и нашего лотиня, устроили паромъ. Переправа продолжалась не болѣе часа и я снова направилъ нашъ путь на О, въ полномъ убѣжденіи, что пройденная нами полынья была послѣдняя. Въ полдень мы напали на свѣжіе медвѣжьи слѣды, ведущіе къ высокимъ торосомъ въ разстояніи не болѣе ½ версты, но никто не изъявилъ желанія охотиться. Многие до того устали, что начали бросать все, что можно было; полушубки казались имъ тяжелыми и ихъ бросали, у некоторыхъ дѣло дошло до сухарей. На каждомъ привалѣ мы оставляли память по себѣ: кто лишнюю рубашку, кто сапоги, даже маленькія трубки бросали и казалось послѣ этого, что гораздо легче идти! Вотъ что значить воображеніе! Вольнонаемный поваръ усталъ совершенно и принужденъ былъ оставить всю свою котомку съ сухарями. Я самъ шелъ довольно легко, не чувствуя особенной усталости и единственное, что я бросилъ изъ моихъ вещей, были лишніе волосы на головѣ, которые до того не были острижены по формѣ; а такъ какъ мы шли безъ шапокъ, то длинные волосы совершенно обмерзали и мѣшали смотрѣть впередъ. Чѣмъ ближе становился берегъ, тѣмъ болѣе встрѣчали воды, и каждый разъ, гдѣ узкое мѣсто позволяло, мы переправлялись, какъ въ первый разъ, на маленькихъ льдинахъ съ

помощью лотлиня, а гдѣ ширина была слишкомъ велика, мы искали толстую льдину, плавающую на водѣ, и, перебираясь на нее, отталкивались какъ можно сильнѣе, гребли пиками, развѣшивали все наши малицы и такимъ образомъ, пользуясь легкимъ SW вѣтромъ, правда, очень медленно, но достигали твердаго противоположнаго льда и немедля отправлялись далѣе. Къ вечеру старшій штурманъ Матисенъ почувствовалъ сильную боль въ груди и тошноту; тѣ же симптомы показались у фельдшера Лычева и они оба тащились съ большимъ трудомъ. Въ 7¼ ч. я нашелъ удобное мѣсто для ночлега и мы все, безъ исключенія, уставшіе до-нельзя, сбросивъ съ себя котомки, пали на ледъ и лежали нѣкоторое время молча.

Глубина чрезвычайно медленно уменьшалась и 10-го сентября вечеромъ была еще 14 саж., грунтъ иль.

Нѣкоторымъ изъ насъ показалось, будто бы берегъ видѣнъ, но было уже слишкомъ темно, чтобы разглядѣть въ трубу. Надѣвъ малицы и пимы съ люптами, мы легли и спали на льду не хуже какой-нибудь красавицы на мягкой постели. Часовые чередовались чрезъ каждые полчаса. Въ тотъ день мы шли 13¼ часовъ, останавливаясь изрѣдка минутъ на десять.

Проснувшись рано утромъ 11-го, мы опять оказались въ лужахъ. Когда разсвѣло, съ высокаго тороса я увидѣлъ на ONO берегъ. Видъ этого берега подѣйствовалъ на всю команду какъ электрическая искра и снова явилась надежда на спасеніе, которая вчерашняго дня уже оставила большинство! Дѣйствительно, я самъ не очень вѣрилъ въ возможность выйти на берегъ. Назади, впереди, вправо и влево насъ окружала вода, а лодки не было.

Надо было видѣть людей, съ какою быстротою они взяли на плечи ноши, какими побѣдителями они смотрѣли и съ какою увѣренностью шли впередъ, не давая мнѣ времени вступить на свое мѣсто: «ваше благородіе, теперь берегъ въ виду и мы можемъ впереди идти, одному вѣдь не выдержать каждый день прокладывать путь.

Но, увы!—черезъ часъ мы встрѣтили воду; а когда переправились черезъ нее, то увидѣли и большое пространство мелкаго

льда, гдѣ казалось невозможнымъ перейти. Между тѣмъ красный песокъ былъ ясно видѣнъ на утесахъ материка, назади же была гибель. Что дѣлать? Я пустился впередъ, гдѣ ползая, гдѣ перескакивая съ помощію пикі, за мною люди. Богъ намъ помогъ. Чрезъ полтора часа мы достигли снова твердаго льда. Г. Будбергу было труднѣе всѣхъ; въ первый разъ видя море и не имѣя морскихъ ногъ, онъ часто проваливался въ воду и безъ помощи людей навѣрное погибъ бы. На сколько хватало человѣческихъ силъ, мы дѣлали въ этотъ день все, чтобъ добраться до берега, но постоянно встрѣчавшаяся вода иногда шириною до 150 саж., не позволяла скоро идти впередъ. Гдѣ можно было, переправлялись посредствомъ ледянаго паромъ, а болѣею частью сжатые вмѣстѣ на одной льдинѣ пускались на волю Божию съ SW вѣтромъ и гребли нашими пиками. Послѣ обѣда въ 4 часа мы находились посрединѣ широкой полыни, когда вдругъ, недалеко отъ нашего плавучаго острова показались шесть моржей, которые направились прямо на насъ. Я стоялъ на краю и смотрѣлъ хладнокровно на звѣрей. Когда они приблизились вплотъ, я ударилъ одного пикою, но безъ всякаго успѣха; одинъ клыками началъ подниматься къ намъ, другіе осторожно наблюдали за успѣхами и неуспѣхами товарища. Положеніе наше было незавидное: удастся двумъ или тремъ зайти къ намъ, наша льдина, перегруженная уже людьми и багажомъ, должна или опрокинуться или идти ко дну. Я успѣлъ выхватить винтовку и посадить въ упоръ первому пулю въ глазъ. Моржъ упалъ обратно въ воду и остальные скрылись. Мы безъ отдыха переправлялись и шли впередъ до 8 часа вечера; тогда выбрали ночлегъ подъ высокою горою, ибо начали, по случаю совершенной темноты, падать въ трещины и въ яги. Лотъ показалъ 11 саж. глубины, грунтъ жидкій илъ. Льдина—нашъ ночлегъ—стояла на мели, но имѣла, какъ мы замѣтили по лоту, вращательное движеніе, однако оставалась на томъ же мѣстѣ. Берегъ отстоялъ отъ насъ еще на 7—8 верстъ. Мы все уже начали чувствовать голодъ, ибо ѣли чрезвычайно мало, не зная, долго ли еще придется быть на льду; но морозы не давали спать долго и, конечно, отъ холода и голода явилась усталость. Г-нъ Мати-

сень, неѣвшій ничего второй день и чувствуя сильную боль въ груди, уже свыкался съ мыслию о смерти на льду. Во весь день 11-го числа во время ходьбы его постоянно рвало, и одна твердая воля этого человѣка донесла его до третьяго ночлега. 12-го сентября поднялись на гору; кругомъ нашего острова я не видалъ льду; вѣтеръ ночью перешелъ къ О и дулъ съ силою брамсельнаго прямо съ берега; въ 8 часовъ нашелъ густой туманъ. Команда вовсе упала духомъ. По невозможности идти далѣе, мы легли на ледъ и молчали.

Въ 11 часовъ, вѣроятно, съ переменною теченія съ моря придвинулся ледъ и въ 12 часовъ мы на маленькой льдинѣ начали перебираться на идущій мимо насъ ледъ, устроивъ паромъ съ помощью лотиня; я съ подштурманомъ Черноусовымъ едва не остался тутъ: переправа продолжалась довольно долго, ледъ разошелся и когда паромъ нашъ въ послѣдній разъ отваливалъ отъ другой льдины къ нашему острову, лотинь оказался короткимъ. Я привязывалъ ремни, подвязки и шарфы, также на той сторонѣ привязывали все, что было, и паромъ почти дошелъ до насъ; разстояніе осталось около пяти футъ, которое и удалось перескочить помощью пикъ. Но я долженъ сказать, что неустрашимость, ловкость и сила матроса Резанова спасла и на этотъ разъ насъ. Снова надежда явилась и мы весело и скоро пошли къ берегу, который съ каждымъ шагомъ становился ближе. Но вскорѣ вода опять преградила нашъ путь, и пока мы искали средства перейти черезъ нее, вѣтеръ усилился и, вопреки теченія, разстояніе между нами и берегомъ увеличивалось. Съ довольно высокой ледяной горы я въ трубу ясно видѣлъ, что вода, у которой мы стояли, была послѣдняя и что за этой водой тянулась сплошная масса льда вплоть до берега, разстояніемъ не болѣе 4 верстъ. Какъ близко было спасеніе! но тутъ по лоту, опять замѣтили, что насъ несетъ отъ берега въ море; какъ ни старались, но не могли переправиться. Тогда мы надѣли малицы и пимы и сѣли на мѣшки въ ожиданіи того, чего миновать было нельзя. А вѣтеръ съ часа на часъ крѣпчалъ; наша льдина была почти гладкая, такъ что укрыться на ней было негдѣ; она имѣла въ окружности 150 сажень и была толщиною отъ 6—5 саж. Въ скоромъ времени мы потеряли изъ виду берегъ; глу-

бина увеличивалась; мы быстро потеряли то разстояніе, которое прошли съ величайшимъ трудомъ и опасностью. Окружающій насъ ледъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, двигался быстрѣе нашей льдины, такъ что въ короткое время мы потеряли его изъ виду и уже не видали ни льда, ни берега, а сильное волненіе начало раскачивать нашъ островокъ. Мы согрѣвались съ трудомъ; морозъ былъ сильный и вѣтеръ къ вечеру дошелъ до шторма; я ежеминутно ждалъ, что нашу льдину разобьетъ на мелкія части. Насъ единственно спасало самоѣдское платье; не будь его—замерзли бы всѣ. Мы легли спать по два человѣка, ноги другъ другу въ малицы, убирая головы также въ малицы и такимъ образомъ спасались. Вечеромъ въ 11 часу небольшая часть нашей льдины отломилась и мы съ трудомъ могли спасти 4 человѣкъ, спавшихъ въ томъ мѣстѣ; между ними были бар. Будбергъ. Волненіе ходило весьма сильное, поддавало черезъ всю нашу льдину, такъ что мы, находясь, сколько можно было, подъ вѣтромъ, не могли, однакожъ, укрыться отъ воды, весьма непріятной во время стужи. Наконецъ 13 сентября въ 7 часовъ пополуночи льдина наша была разбита пополамъ съ ужаснымъ шумомъ, уподоблявшимся пушечному выстрѣлу. Начало поддавать еще сильнѣе черезъ крошечный нашъ островокъ. Здоровье г. Матисена нисколько не улучшалось и онъ передалъ послѣднее свое желаніе: поклоны родственникамъ и тому подобное. Команду я старался ободрять разсказами о случаяхъ на морѣ и во льдахъ, гдѣ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, люди все-таки спасались. Мое стараніе было, однако, не совсѣмъ успѣшно... Погода стала теплая, морозъ былъ около 1°. Съ 6-ти часовъ утра пошелъ сильный снѣгъ, превратившійся въ дождь, къ 9-ти часамъ насъ мочило снизу и сверху; всѣ мы были мокры до-нелзя. Одинъ часъ мороза, въ родѣ вчерашняго, положилъ бы конецъ всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ. Но къ полдню штормъ улегся, весьма скоро сдѣлалось маловѣтріе отъ SSW и остатокъ нашей льдины—выдержалъ. Погода настала прекрасная, даже теплая и мы начали просушиваться. Вѣтеръ въ скоромъ времени засвѣжѣлъ до брамсельнаго и мы съ радостью замѣтили по лоту,

что насъ несетъ къ берегу, который въ скоромъ времени и увидѣли.

Съ моря показались массы льда, которыя быстрѣе насъ двигались къ берегу и начали съ обѣихъ сторонъ проходить мимо насъ. Закатъ солнца былъ великолѣпный. Въ 8 час. вечера мы замѣтили, что необозримой величины ледяное поле со многими горами двигается прямо на насъ. Мы приготовились перескочить, когда оно ударится о нашъ островокъ и благополучно успѣли въ этомъ, а черезъ $\frac{1}{4}$ часа успѣли найти ночлегъ. На этомъ большомъ переходѣ поваръ Ларіоновъ и баронъ Будбергъ потерялись такъ, что мы принуждены были отыскивать ихъ довольно долго. Глубина, къ нашей радости, значительно уменьшилась, лотъ въ 9 час. вечера показалъ неболѣе 12-ти сажень.

Ночь на 14 сентябрю была чрезвычайно холодная, но, къ счастью, мы днемъ успѣли просушить платье. Настало великолѣпное утро; берегъ былъ недалеко; глубина 10 саж. 4 фута; вѣтеръ чистый S; по лоту видно, что несетъ насъ на ONO. Г. Матисену стало немного легче. Погода во весь день стояла чудная и довольно теплая; ледъ нашъ понемногу двигался къ берегу, но сообщенія съ нашего поля къ берегу еще нѣтъ. Къ вечеру вѣтеръ перешелъ къ SO и сильно засвѣжелъ, только что вновь явившаяся надежда улыбнулась, насъ начало сильно валить на NW. Сухари у нѣкоторыхъ почти вышли и люди до-нельзя пали духомъ; многіе выстроили небольшіе ледяные домики, называя ихъ своими гробницами.

15-го сентябрю, съ 3—9 часовъ пополуночи шелъ сильный дождь и мокрый снѣгъ; всѣ опять вымокли до нитки. Берегъ скрылся изъ виду, но къ 10-ти часамъ погода прояснилась и мы начали просушивать платье. Въ 50 шагахъ отъ нашего ледяного городка увидѣли мы песца и я съ винтовкой пошелъ, но не могъ настичь его. Наши собаки до того исхудали, что остались кости да кожа; пудель мой при вѣтрѣ не могъ ходить, безъ сильного дрейфа.

Вольнонаемный поваръ Павелъ Ларіоновъ попался въ воровствѣ: замѣчая, что у него остаѣтся весьма немного сухарей, онъ предпочелъ ѣсть чужіе и былъ пойманъ; но я ему простилъ на

этотъ разъ. Къ общей радости г. Матисену гораздо лучше и онъ чувствуетъ себя готовымъ снова пуститься въ путь.

Въ воскресенье 16 сентября вѣтеръ WSW и полней по направленію къ берегу съ самыхъ высокихъ торосовъ не видали. Хотя ни у меня, ни у людей надежды не было достигнуть берега, потому что уже нѣсколько разъ были обмануты, мы все-таки, помолившись Богу, тронулись въ путь въ 6 часовъ. Шелъ сильный дождь и мы всѣ были мокры; первые два часа мы шли по весьма опаснымъ мѣстамъ, по сжатымъ маленькимъ льдинкамъ, между которыми проваливались постоянно, часто до груди, и наконецъ въ 8 часовъ пополудни достигли до сплош-наго льда, на которомъ была гора; съ вершины ея увидѣли, къ общей радости, берегъ въ верстахъ 15 или 18. Не отдыхая нисколько, мы пошли весьма скоро впередъ и сдѣлали привалъ не раньше 11 часовъ. Берегъ отстоялъ отъ насъ еще на 8 или 9 верстъ, но половина людей выбилась совершенно изъ силъ и я принужденъ былъ дать $\frac{1}{2}$ часа отдыха. Особенно г. Будбергъ до того ослабъ, что говорить уже не могъ и падалъ на ров-ныхъ мѣстахъ. Мы всѣ воспользовались этимъ временемъ и съѣли двойную порцію сухарей. Нѣкоторые изъ команды повредили себѣ ноги при паденіи и тащились съ трудомъ. До пяти часовъ мы шли безъ оглядки, не встрѣчая полней, осталось до берега не болѣе одной версты. Около 2-хъ час. я самъ былъ до того уставши, что помогала только сила воли. Съ величайшимъ тру-домъ тащился я впередъ; грудь и плечи болѣли до-нельзя, но эта слабость была непродолжительна: къ 6-ти часамъ я шелъ такъ же легко и быстро, какъ прежде. Последняя верста была необыкновенно тяжела для насъ. Берегъ не дался намъ безъ упорнаго боя и я не знаю попали ли бы мы вообще на него безъ помощи матроса Попова? Онъ шелъ передовымъ последнее время и я любовался его неустрашимостью и находчивостью въ пре-одоленіи всякаго рода препятствій; всѣ остальные довольно рав-нодушно смотрѣли на берегъ какъ и на ледъ и у каждаго изъ нихъ было одно желаніе—лечь и отдохнуть.

До берега оставалась открытая вода и изрѣдка на мели стоявшіе торосы; мы отъ тороса до тороса перегребали на

льдинахъ. Наконецъ, въ 7 часовъ осталось не болѣе 50 сажень до берега, но здѣсь мы уже не находили средствъ переплыть. Остаться мокрыми на льду значило замерзнуть, поэтому я приказалъ каждому, кто какъ знаетъ и какъ можетъ, идти на берегъ, держаться, по возможности, двумя или тремя человѣкамъ вмѣстѣ и другъ друга вытаскивать изъ воды, если бы ктонибудь провалился. Мы раздѣлились; девизомъ всѣхъ была мысль: «каждый за себя, Богъ за всѣхъ». Боцманъ Панкратовъ съ двумя человѣками первые достигли берега и громкое ура ихъ раздалось въ темнотѣ, повторенное съ горы. Глубина при переправѣ весьма медленно уменьшалась; я часто бросалъ лотъ—9 саж., 6 саж., 4 саж., 3, 2½, 1 саж. и, наконецъ, въ шагахъ 10 отъ берега ½ ф. глубины. Грунтъ все тотъ же—илъ. Въ 8 час., наконецъ, мы все соединились на высококомъ холмѣ, мокрые до нитки, нѣкоторые—по шею. Хотя мы были холодны, голодны и мокры и дровъ никакихъ не нашли, но мысль, что мы теперь на берегу и что насъ не унесетъ въ море—согрѣвала насъ. Мы расположились на возвышенности, потому что въ тундрѣ лежалъ снѣгъ. Такъ мы пролежали и продрожали всю ночь, изрѣдка вставая для согрѣванія; засвѣжавшій W вѣтеръ и морозъ, несмотря на усталость, не дали намъ заснуть хорошенько. Утромъ, когда разсвѣло, камни подъ нами чуть ли не были теплѣе нашихъ тѣлъ. Только что начало разсвѣтать все разошлись за дровами, и дѣйствительно нашли немного выкиднаго гнилаго лѣса, который съ трудомъ загорѣлся и я сварилъ въ чайникѣ кофе—горячій кофе, хотя и безъ сахара, оживилъ насъ немного.

Когда совсемъ разсвѣло, г. Матисень взялъ зрительную трубу и повелъ ея по горизонту; вдругъ онъ закричалъ: «Чумы видны!» я схватилъ трубу и увидѣлъ въ 5 верстахъ отъ нашего ночлега верхушки двухъ чумовъ. Сно же минуто я отправилъ трехъ человѣкъ, подъ командою боцмана Панкратова, вооруженныхъ винтовками, пиками и револьверами, съ приказаніемъ: во что бы ни стало, удержать этихъ людей. Къ нашему счастью, посланные могли держаться въ долину большую часть дороги, такъ что изъ чумовъ замѣтили ихъ уже поднявшихся на гору. Лишь только карачеи увидѣли путниковъ, тотчасъ засуетились

кто побѣжалъ за оленями, кто готовилъ сани, ясно было видно, что они намѣревались спастись бѣгствомъ отъ незнакомцевъ; но имъ не дали время поправиться (дѣло нелегкое) со стадомъ, состоящимъ изъ 2000 головъ. Откуда ни возмись сила! Панкратовъ съ своими людьми бѣжалъ стремглавъ и успѣлъ захватить карачеевъ въ то время, когда они начали загонять оленей въ юрокъ. Знаками приказалъ онъ запречь трое саней и ѣхать къ морю за нами, что и было исполнено немедленно. Эти сани встрѣтили насъ уже на половинѣ дороги. Скажу откровенно, что ѣзда никогда не доставляла мнѣ такого удовольствія, какъ въ этотъ разъ.

2-го ноября я прибылъ съ командою въ село Ижму. Давъ людямъ отдохнуть одни сутки, я отправился съ ними черезъ Цеть-Цильму въ деревню Кую, на устьѣ р. Печоры. Устроивъ тамъ все для зимовки людей, я отправился черезъ тундру на оленяхъ въ г. Архангельскъ, оставивъ при командѣ старшаго штурмана Матисена и барона Будберга.